

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

УДК 1

А.П. Коркишко

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

root@sevgtu.sebastopol.ua

РЕДУКЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Рассмотрены методы решения редуктивных задач, возникающих в процессе конструирования референтных обозначений редуцируемых и редуцирующих признаков объектов социального исследования.

Внешне свободное движение научной мысли «вверх-вниз» по уровням теоретической рефлексии природного и социального начал исторического процесса не должно заворачивать нас настолько, чтобы мы перестали замечать то обстоятельство, что в сути своей естественнонаучная и гуманитарная отрасли знания продолжают сохранять свою обособленность. Наиболее отчетливо это водораздел проступает в вопросе о сущности человека: исследователи в значительной своей части не воспринимают тезис о человеке как природном существе, воплощающем в себе высший уровень развития материального мира и обобщающим содержание предшествующих форм материи.

Причины подобной невосприимчивости достаточно ясны. Для «восходящей» логики естественнонаучного подхода этот, казалось бы, органично соответствующий его исходным утверждениям тезис оказывается своего рода «вещью в себе». Действительно, не видно, каким образом можно перейти по внутренним содержательным связям от физико-химико-биологических референций человека к социальным параметрам его бытия. Внешне, в смысле обобщающей силы, достижение теоретического естествознания – антропный принцип – остается в современной формулировке способом внешнего подключения человека к естественной истории Вселенной посредством отождествления homo sapiens'a с общим методологическим стандартом физического мира. Вкладывая в понимание антропного принципа преимущественно

физикалистское содержание, естествознание, тем самым, отчуждает его от философской традиции рассмотрения проблемы человека.

Философская мысль, в свою очередь, продолжает сохранять предубеждение против такого методологического приема как редукция и воспринимает весьма настороженно любую попытку выйти на простор предметных, операциональных определений человека. Если попытаться определить источник опасений философов по поводу применения редукционистских программ, то его следует искать в системе сложившихся еще до времен Декарта воззрений европейской философии на объяснение характера причинения в природном мире и в мире человека. Первый трактовался как внешний и детерминистический, второй – как внутренний и индетерминистический. Этот второй мир и не может быть иным, если субъект примысливается как источник и условие свободы воли, выходящей, по определению, за границы собственно онтологической детерминации.

Поскольку природные области природного и социального начал и структурной функционально мыслятся как не имеющие общих оснований, то естественно возникает запрет на любой вариант редукционной логики.

Позитивисты первыми в новейшее время нарушили запрет. В настоящее время эта проблематика активно обсуждается в целом ряде философских школ, достаточно далеко отстоящих от позитивизма.

Актуализация проблемы редукции в философии связана с необходимостью логической проверки оснований первичных утверждений научных теорий.

Смысл введения редукции в операциональное рациональное поле философского знания состоит в том, что объединение через редукцию не обязательно влечет за собой редукцию онтологическую и, следовательно, любое редукционное объяснение не обязательно выполняет функцию защиты и оправдания соответствующих научных высказываний и потому редукция – это не просто исключение редукции редуцируемых терминов или редуцируемых теорий.

В прежние годы в нашей литературе методологическая роль исследовательской программы редукционизма оказывалась серьезно запутанной, что приводило к методологической недооценке редукционистских программ и «онтологического» и «гносеологического» сведения одних областей познания к другим.

Здесь, видимо, правомерная аналогия с ситуацией, сложившейся в свое время в философском знании с анализом гносеологического релятивизма: абсолютный и абсолютизированный релятивизм ведет к аннигиляции знания, относительный же редукционизм – препятствует догматизации, окостенению научных положений. Также и редукционизм – лишь в своих крайних, абсолютизированных формах, он метафизичен и

практически бессодержателем, являя собой лишь голую логическую схему мысли. Разумнее же, не застывшая, а динамическая редукция - конструктивный внутренний механизм познавательного процесса, во многих случаях полезная тактика исследования.

Действительная задача науки заключается в том, чтобы в динамике внешнего движения (движение явления) увидеть детерминацию действительного внутреннего движения (движение сущности). Тогда само сведение будет при этом пониматься как выведение связей сложного из простого. Так же как для естествознания остается актуальной задача вывести химические и биологические формы движения из внутреннего физического движения, так и для философии остается фундаментальной проблема выводимости многообразия мира из единой субстанции.

Итак, чаще всего, объяснение как логико-аналитическая процедура интерпретируется как редукция. Однако редукция понимается при этом по-разному и при ее анализе делаются различные акценты.

Хилл Т., анализируя различные точки зрения, существующие в западной философии, указывает на их весьма широкий спектр [1, с. 25], начинающийся с синтаксического подхода Р. Карнапа и оканчивающийся умеренным энтузиазмом И. Шеффлера и критикой инвариантности значения П. Фейерабенда. Хилл подчеркивает, что Корнапу удалось успешно осуществить ревизию раннепозитивистской концепции редукции и расширить возможности редуцирования, но все же не настолько, чтобы обеспечить «неограниченную возможность элиминирования и ретрансляции (обратного перевода)» [2, с. 41].

Более содержательную на наш взгляд, позицию занимают так называемые «физикалисты» – Э. Нагель, У. Куян. Проводя различие между редукционным объяснением и онтологической редукцией, физикализм исходит из того, что редукция одной науки к другой не упраздняет и не трансформирует «в нечто несубстанциональное или «только кажущееся» различия и формы поведения, признаваемые редуцируемой наукой.. Установление физических, химических и физиологических условий возникновения головных болей не доказывает иллюзорности последних. Напротив.. Этим достигается объяснение возникновения головных болей» [1, с. 47].

Э. Нагель существенно уточняет понимание редукции, настаивая на признании за ней дедуктивной способности выведения «одного множества эмпирически верифицируемых высказываний из другого множества.. Концепция редукции как дедукции одних свойств из других, порождая ложные проблемы, потенциально может вести к заблуждениям.. Дедуцировать можно высказывания, а не свойства» [3, с. 84].

У Куайн, отстаивая физикалистскую трактовку, дает относительно более мягкую версию элиминирования и задает вопрос: «Разве физикализм отрицает психические состояния боли и гнева в угрозу сопутствующим физическим состояниям? Разве он отождествляет психическое состояние с состоянием физического организма?» [4, с. 112]. В физикализме относительно устоялась точка зрения, согласно которой конечными границами анализа редукции считается то, что он именуется «эпистемологическими тезисами», в частности, тезис о редукции к некоторым основным чувственно верифицируемым предикатам или к наблюдаемым качествам предметов. Физикалисты считают возможной естественную упорядоченность наук, полагая, что вычленяемые или редукционные уровни приблизительно соответствуют хорошо известной ранжированности вещей. Во всяком случае, объясняющая редукция в рамках этой концепции уровней не влечет за собой какого-либо онтологического исключения соответствующих уровней, и именно на это обстоятельство следует обратить особое внимание.

Традиционное возражение против редукционного объяснения обычно опирается на то, что редукционное объяснение естественным образом связано с онтологической редукцией. Традиционалисты отказывают редукционному объяснению быть таковым потому, что оно неразрывно описывает или с необходимостью теряет определенные свойства реальности и поэтому оставляет их необъясненными.

Здесь мы сталкиваемся с недоразумением, созданным самими же критиками редукционизма, поскольку они смешивают два разных случая редукции: в одном редукционное объяснение эксплицитно влечет за собой онтологическую редукцию, в другом этого нет. Традиционное возражение имеет смысл только для первого случая, однако, если эксплицитные притязания на онтологическую редукцию отсутствуют и если сама редукция дает несомненные объяснения, традиционное возражение теряет всякий смысл.

Вместе с тем, указание на несостоятельность традиционных возражений не закрывает полностью вопрос об онтологическом статусе в редукционном объяснении редуцируемых и редуцирующих терминов, редуцируемых и редуцирующих теорий.

Весьма интересные идеи по существу затронутого вопроса высказывает известный американский философ М. Вартофский. Он предлагает следующую классификацию подходов к вопросу: отказ от онтологических претензий, онтологическая отсрочка, принятие онтологических обязательств. В последнем случае, онтологическая референтность рассматривается двумя альтернативными путями: первый выводится из концепции тождества, а второй – из концепции уровней [5, с. 44].

Первый из названных подходов связан с инструменталистской точкой зрения на природу теорий. Суть его состоит в том, что с самого начала отвергается онтологическая референтность теорий. И тогда, коль скоро нечего редуцировать, то нет ничего, что могло бы подвергнуться элиминированию в процессе редуционного объяснения. А поскольку редукция есть вопрос о дедуцируемости высказываний, рассуждения об элиминировании сущностей или свойств путем редукции оказываются либо бессмысленными, либо лишенными законного основания. Получается так, что у теорий нет собственного денотата, и они не могут быть ни истинными, ни ложными.

Стремление избежать тягот онтологических разбирательств приводит ряд исследователей на позиции, обозначенные М. Вертофским как «онтологическая отсрочка». Они не отрицают онтологическую референтность, но суть проблемы сводят к выбору между альтернативными схемами референции, что на практике означает выбор между альтернативными языками описания, или, что то же самое, между лингвистическими каркасами. Однако, обсуждение критериев выбора лингвистических каркасов само требует принятия некоторого каркаса, который выбирается нами на основании некоторого критерия и который либо является «практическим» и некогнитивным (в этом случае мы вновь оказываемся заложниками отказа от критериев), либо сам требует когнитивного обоснования (и тогда мы опять в ловушке бесконечной регрессивной отсрочки). Пожалуй, самый неприятный вопрос, который может быть задан сторонникам второго подхода, звучит так: «Почему один каркас должен лучше удовлетворять нашим потребностям и целям, чем другой?».

В свою очередь, из заданного вопроса органично вытекает другой, еще более обнажающий слабые места позиции, а именно: «Является ли простота (имеется ввиду логический контекст языка) лишь логическим вопросом о природе теорий или это эмпирический и онтологический вопрос?».

М. Вартофский, так же как и К. Поппер совершенно недвусмысленно предполагает онтологическую референтность редуционных объяснений и называет два альтернативных концептуальных решения: концепцию тождества и концепцию уровней тождества [5, с. 48].

Остановимся на их рассмотрении более подробней, как весьма важных для нашего обсуждения

Концепция тождества исходит из представления об однозначности референтности редуцируемых и редуцирующих терминов. Согласно же концепции уровней референтность редуцируемых терминов и редуцирующих терминов неоднозначна, так как у каждого из них имеется свой собственный референт в плане онтологических уровней. Характерной

особенностью, объединяющей оба эти подхода является то, что ни один из них не претендует на осуществление в ходе объяснительной редукции онтологической

Отталкиваясь от принципа тождественности и настаивая на однозначности референтов, мы тем самым признаем, что различия между редуцирующим и редуцируемым терминами не более чем различия в способах рассуждения об одном и том же. Так, например, на вторичном (редуцированном) языке мы описываем закономерности внутригруппового социального общения, а на первичном (редуцирующем) языке – психофизиологические свойства людей, что объясняет эти закономерности. Очевидно, что мы в данном случае отнюдь не элиминируем законы социологического интеракционизма. Более того, мы даже не создаем «дефекта двух вещей» – социологических законов психофизиологических параметров, поскольку в действительности у нас есть только «одна вещь» – психофизиологическая основа личности с присущим ей способом функционирования в группе, который и является законом, регулирующим внутригрупповое общение.

Концепция уровней допускает наличие двух сущностей: одной – как референта редуцируемого термина или теории и другой – как референта редуцирующего термина. Это означает, что мы можем любой предмет «свести» до молекулярного затем до атомного и т.д. уровней. Если мы будем в объеме нашего предмета мыслить человека, то и тогда каких-то принципиальных запретов со стороны логики на подобное же сведение назвать нельзя, если, конечно мы не будем вкладывать в содержание понятия «редуцируемый» смысл «выводимый из».

Тем не менее, здесь было бы уместным рассмотреть следующие возражения. Первое, не является ли в данном случае редукция онтологически направленной? И второе, присущ ли онтологический статус в равной мере каждому уровню редукции? В самом общем виде ответом на эти возражения могли бы выступить такие соображения: каждый уровень редукционной схемы столь же реален, как и любой другой, во-первых, и, во-вторых, – онтологическая направленность является одним из объективных свойств отношения между частью и целым. Следует помнить, что схема редукционного объяснения иерархична, поэтому в принципе любое свойство человека как предметного существа может быть выражено через редукцию низлежащих по отношению к нему природных процессов, структур и функций, причем так, что ничто существенное не будет при этом потеряно.

Сильной, на наш взгляд, стороной анализируемого подхода является убежденность его сторонников в том, что редукционная иерархия отражает подлинное состояние дел, а наши теоретические описания – как в

определенной степени соответствующие этому состоянию, пусть и с некоторой приближенностью.

Концепция уровней и концепция тождества имеют известное сходство, выражающееся в признании того, что и редуцируемые и редуцирующие понятия имеют онтологическую референтность (а это, по сути, методологическое разрешение на действительный теоретический союз естественнонаучных и философских концепций). Ни первая, ни вторая не делают попыток избежать трудностей решения онтологических аспектов редукции. И, наконец, в рамках обоих подходов редукция интерпретируется как функция объяснения, как отношение между элементами нашего знания о мире и о человеке.

Взаимоотношения концепций должно строиться на основе принципа дополнительности и потому важно четко представлять основания различий рассматриваемых концепций. Основная посылка концепции тождества – единственность и уникальность редукции, тогда как концепция уровней более адекватна для описания таких состояний, когда мы говорим о различных фактах или сочетаниях фактов на различных уровнях или в различных контекстах.

М. Вартофский полагает, что выбор между конкурирующими как он выражается, схемами редукционного объяснения должен строиться не на философских, а на естественнонаучных основаниях [5, с. 55]. Нам представляется, что более правомерным был выбор по обоим основаниям, тем более, что концепция уровней, разработанная пермской философской школой, принципиально «стыкуется» с динамичным редукционизмом.

Таким образом, взятая в рациональной форме методологическая программа динамического редукционизма служит важным организующим элементом социального познания.

Библиографический список

1. Хилл Т. Современные теории познания / Т. Хилл. — М.: Прогресс, 1965. — 315 с.
2. Карнал Р. Значение и необходимость / Р. Карнал. — М.: Прогресс, 1959. — 298 с.
3. Каримский А.М. Философия американского натурализма / А.М. Каримский. — М.: Наука, 1972. — 252 с.
4. Павилёнис Р.И. Проблема смысла / Р.И. Павилёнис. — М.: Наука, 1983. — 154 с.
5. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. — М.: Прогресс, 1988. — 507 с.

Поступила в редакцию 05.11.2002 г.